

8 ноября 2016 г. Советник президента по вопросам изменения климата Александр Бедрицкий в интервью ТАСС рассказал о позиции России относительно Парижского климатического соглашения, о том, почему некоторые страны ратифицировали соглашение уже сейчас, и о том, какими могут быть механизмы реализации соглашения.

— Александр Иванович, как вы думаете, насколько ратификация Парижского соглашения по климату может быть "выгодна" для России, если можно так выразиться?

— Парижское соглашение — это продолжение Рамочной конвенции ООН об изменении климата. Меры, которые страны принимают для борьбы с глобальным изменением климата, должны быть экономически обоснованными. То, что мы подписали Парижское соглашение и президент сформулировал цель на 2030 год, говорит о том, что мы понимаем, что сотрудничество стран в рамках соглашения необходимо, чтобы снизить нагрузку на климатическую систему.

Говорить сейчас о том, выгодна или не выгодна на этом этапе ратификация для России Парижского соглашения, очень сложно

Сейчас Парижское соглашение имеет рамочный характер, там нет обязательных условий, поэтому во многом его эффективность будет зависеть от того, как будут разработаны механизмы его реализации.

Говорить сейчас о том, выгодна или не выгодна на этом этапе ратификация для России Парижского соглашения, очень сложно. В целом выгодно. Что касается вопросов экономики, то в том ключе и по тем расчетам, которые использовались для определения нашей цели, нам участие в нем выгодно. Но поскольку процесс ратификации предусматривает анализ социально-экономических последствий воздействия соглашения, то, естественно, решение о ратификации будет принято после того, как будут разработаны механизмы его реализации.

— По вашему мнению, с чем связана столь быстрая ратификация США Парижского соглашения по климату?

— Это хороший вопрос. Киотский протокол был подписан большинством стран в 1997 году, механизмы по нему были разработаны в 2001 году, а вступил он в силу в 2004 году. Второй период Киотского протокола — Дохийская поправка, которая не ратифицирована. Ее не ратифицировали многие крупные страны, которые продекларировали, что будут ее участниками. Получается некий разрыв. Есть Дохийская поправка, которая обеспечивает международные правовые рамки для сотрудничества с 2013 года до 2020 года, а ее не ратифицируют. Но появляется Парижское соглашение, которое начнет работу в 2021 году, и все торопятся его ратифицировать. Возникает вопрос — почему?

Ничего, кроме амбиций нынешнего руководства Соединенных Штатов по лидерству, в ратификации и вступлении в силу соглашения не вижу

Наиболее реальная причина заключается в том, что инициировали этот процесс США, так как президент опасается, что придет преемник и отменит участие страны в этом соглашении. В противном случае преемник сможет отменить договоренности только через четыре года.

Но я ничего, кроме амбиций нынешнего руководства Соединенных Штатов по лидерству, в ратификации и вступлении в силу соглашения не вижу. Никакой необходимости в этой "торопливости" нет. Более того, я полагаю, что в данном случае этот ажиотаж с ратификацией и обсуждением затеняет и смазывает остроту решения проблемы с разработкой механизмов реализации соглашения. Если вы поднимаете шум и говорите, что нужно ратифицировать соглашение, то нужно стимулировать разработку этих механизмов, иначе оно просто не будет работать — это пустой звук, реклама.

— Ратифицировавшие Парижское соглашение страны уже разработали механизмы его реализации?

— Ни одна страна, ратифицировавшая соглашение, не представила пока информации о своей стратегии низкоуглеродного развития для его реализации. Следовательно, это сугубо политический шаг, потому что реальная ратификация должна сопровождаться реальной демонстрацией готовности страны участвовать в нем.

По состоянию на 1 ноября Парижское соглашение ратифицировали 92 страны. Это меньше половины. И это говорит о том, что другие страны действительно проводят анализ воздействия соглашения, готовятся к тому, чтобы их участие в реализации соглашения было эффективным.

Для того чтобы соглашение реально ратифицировать — не под политическим давлением, а реально, — многим развивающимся странам нужна помощь. Для этого необходима соответствующая поддержка, в том числе и финансовая, так как не все страны располагают

экспертным и научным потенциалом для того, чтобы разработать стратегии низкоуглеродного развития, которые соответствуют их особенностям.

— В чем эта поддержка может выражаться?

— Нужны эксперты по отраслям. Как правило, в таких случаях выделяются средства на поддержку проекта из Зеленого климатического фонда или за счет средств Глобального экологического фонда (ГЭФ). Кроме того, должны разрабатываться планы по адаптации. Нужно с учетом особенностей страны получить для нее климатический прогноз, необходимо оценить климатические риски, экономические аспекты и многое другое. Все это требует осмысления и экспертной поддержки, и для этого для многих стран требуются средства. Именно по этой причине многие страны не ратифицируют соглашение.

— На встрече в Марракеше будут обсуждаться механизмы реализации соглашения. Как вы считаете, какими эти механизмы могут быть?

— Механизмы разного рода. К примеру, механизм реализации принципов прозрачности подготовки отчетов. Или, допустим, механизмы учета и сопоставления обязательств стран, так называемых NDC (Национальный вклад в глобальные климатические действия. — Прим. ред.). Он разный у разных стран. У развивающихся стран в большинстве своем это относительные цифры. То есть снижение энергоемкости ВВП, например, как в Китае. Сопоставить это, превратить в конкретные тонны парниковых газов, которые не будут благодаря этим мерам выброшены, — это тоже достаточно сложная методологическая работа.

Сейчас о многом говорят — об углеродном регулировании, безуглеродных зонах, углеродном налоге. Но это все пока разговоры, которые могут и помимо Парижского соглашения превратиться в некие реалии. Например, Всемирный банк выступил с инициативой по определению цены на углерод. Всемирный банк может добиться того, что некоторые страны начнут эти принципы применять. И, таким образом, это будет полезно для Парижского соглашения.

Сейчас высказываются опасения по поводу углеродного налога (Идея углеродного налога обсуждалась на конференции ООН в Париже в 2015 году. Предполагается, что налог станет источником для наполнения Зеленого климатического фонда для помощи и адаптации развивающихся стран к изменениям климата, общий размер фонда должен составить \$100 млрд в год. — Прим. ред.). Я уверен, что прежде, чем такая мера будет введена у нас, она будет очень широко обсуждаться. По крайней мере, среди тех мер, которые разрабатываются для стимулирования снижений выбросов углекислого газа, сейчас никакой углеродный налог не фигурирует. Хотя у нас есть "Русал", который поддерживает идею введения его одновременно во всем мире, что, как вы понимаете, практически невозможно. Их точка зрения понятна. Если ввести налог в России и не ввести в странах-конкурентах среди экспортеров алюминия, то мы проиграем. Если во всех ввести, тогда мы будем на равных.

В ряде случаев такие меры, направленные на снижение нагрузки на климат, являются инструментом для завоевания рынка. Свидетельством этого может быть Монреальский протокол, который принял решение, что озоновый слой нужно спасать, и ввели определенные газы — заменители существовавших. Теперь, когда их ввели, страны разработали или купили технологии, начали их использовать, ученые представили новые выводы о том, что эти газы имеют высокий парниковый потенциал, значительно превышающий аналогичный потенциал у углерода. И надо срочно сокращать их производство и потребление и вводить новые заменяющие газы. И буквально недавно поправки к этому протоколу приняли. А отсюда вытекает то, что зарубежные компании, обладающие необходимыми технологиями, просто обеспечили себе рынок. И что характерно, речь идет уже не об озоновом слое, а о климате.

— Может ли Россия в рамках Парижского соглашения тоже попробовать завоевать себе рынок в какой-то сфере?

— У нас в общем-то тоже есть такие возможности. К примеру, существуют протесты против сооружения крупных гидроэлектростанций (ГЭС). Целый ряд экологических организаций внес ходатайство, чтобы запретить финансирование проектов по сооружению ГЭС. Почему? Потому что не у всех стран, которые это иницируют, есть современные технологии их возведения. Почему против строительства атомных станций как альтернативного способа снижения выбросов парникового газа (ПГ) возражают Германия и Евросоюз? Потому что у них нет возможности на этом рынке работать. А среди лидеров на этом рынке Россия. Такими манипуляциями пытаются выбивать реальные шансы использования этих технологий в странах, которые в них нуждаются.

В строительстве ГЭС у России большой опыт, мы можем оказать содействие странам в их строительстве и делаем это, что объективно снижает потребности в сжигании ископаемого топлива. То же самое и с атомной энергетикой. Но все равно очень много атомных станций строится, причем наши новые проекты имеют самый современный уровень безопасности.

В нашей стране есть также направление по созданию базовых материалов с применением нанотехнологий, нанотрубок. Это существенно может снизить выбросы парниковых газов в мире при производстве материалов. Более того, это приведет к повышению прочностных характеристик материалов и к повышению их долговечности, снижению удельных объемов их использования. Если алюминий, который идет на самолетостроение, будет легирован этими добавками (Они будут добавлены в алюминий. — Прим. ред.), то прочностные характеристики его возрастают. Следовательно, вес самолета облегчится, он будет потреблять меньше топлива. Среди базовых материалов упоминают цемент, различные металлы. По этому направлению мы тоже можем стать лидерами. Мы можем быть экспортерами технологий для производства материалов с новыми свойствами, которые могут снизить выбросы ПГ. Так что потенциал лидерства у России есть.

— А что у нас в области возобновляемых источников энергии?

— Безусловно, доля возобновляемой энергетики должна расти. И она растет. У нас в Книгу рекордов Гиннеса в декабре прошлого года попала солнечная станция (СЭС) в Якутии мощностью 1 мегаватт как самая северная в мире солнечная станция. Например, в региональных планах сотни СЭС для внедрения в поселках Якутии, чтобы сократить потребление дизельного топлива, которое, во-первых, надо завозить туда, а во-вторых, оно загрязняет воздух, да еще от сжигания идут выбросы ПГ.

Когда начинают проповедовать, что в России надо отказаться от производства и использования угля, запретить его, это шум на пустом месте

У нас в общем объеме производства электроэнергии относительная доля возобновляемой энергетики невысока, но у нас больше 30% энергетики — это неуглеродная энергетика. Это крупные и средние гидроэлектростанции, это АЭС. А вот доля угля, например, у нас в структуре выбросов парниковых газов — 7%. Это значительно меньше, чем у Германии и США. Поэтому, когда начинают проповедовать, что в России надо отказаться от производства и использования угля, запретить его, это шум на пустом месте, потому что тогда нужно говорить и советовать не России, у которой доля небольшая, а США, Германии, Китаю. Мы на шестом месте в мире по объемам добычи угля. И мы чуть меньше половины добытого угля отдаем на экспорт. Есть спрос у стран — мы продаем. Не будет спроса — будем сворачиваться.

— Что, на ваш взгляд, нужно перестроить в нашей экономике, чтобы Россия могла выполнить условия Парижского соглашения по климату?

— Мы этим и занимаемся, и все страны занимаются. Но вопрос перехода на новые технологии небыстрый и затратный. Новые технологии внедряются не одномоментно, для этого требуются внутренние и зарубежные инвестиции, стратегии развития.

У нас, по мнению экспертов, основной потенциал сокращения выбросов CO₂ — это энергосбережение. За счет энергосбережения мы в основном и работаем. Но вместе с тем постепенно идет процесс замены старых технологий производства электроэнергии на новые.

Процесс внедрения новых технологий, сокращающих потребление материалов и выбросов, вредных, парниковых газов, не прекращается. Сроки, в которые это те или иные отрасли делают, — это как раз предмет низкоуглеродных стратегий, которые связаны в том числе с финансовыми и инвестиционными возможностями государства. Нам, например, перекрыли возможности получать зарубежные кредиты без разбора, касается это климата или нет. Заморозили наши проекты в ГЭФ (Глобальный экологический фонд). Политика двойных стандартов является серьезным вызовом и препятствием на пути реализации наших планов и технологий.

— Что конкретно Россия может сделать, чтобы выполнить Парижское соглашение?

— В части автомобильного транспорта производители сейчас не готовы переходить на электротранспорт, хотя у нас сотнями выпускались "Лады" для Олимпиады в Сочи, есть проекты отечественных электрозаправочных станций. Но если, например, зарядка аккумулятора машины будет связана с источником электроэнергии, угольной генерации, то ценность такого перехода будет очень сомнительной. Для нововведений необходимо оценивать углеродный след. В том, что касается биотоплива, ученые пришли к выводу, что вред от его сжигания может быть больше, чем от сжигания нефти. Потому что мало того, что для производства биотоплива также нужно использовать те же самые минерально-сырьевые ресурсы, но большие объемы производства биотоплива могут еще и сказаться на сдерживании производства продовольствия.

Мы в России можем снижать потребление бензина и объемы выбросов, применяя газомоторное топливо. Газ, по сравнению с нефтью, имеет меньший коэффициент выбросов ПГ. И по газомоторному топливу у нас есть и программа, и намерения переводить на него общественный транспорт. Это вполне реальный, посильный путь.

Что касается лесов, это возобновляемый источник кислорода, сырья для промышленного производства. И третье, молодой лес поглощает парниковые газы и связывает их в древесине. А старый поглотительные способности имеет небольшие. Кроме того, сведение лесов нарушает естественный природный баланс. А лес — важнейший элемент естественного природного цикла углерода. Там объемы обмена между лесом, почвой, водой, атмосферой в десятки раз превышают объемы глобальных выбросов антропогенных газов. Сведение лесов, нарушение, деградация земель косвенный эффект дают гораздо более сильный, чем просто их антропогенные выбросы. И поэтому у нас в плане подготовки к ратификации Парижского соглашения есть специальный пункт о разработке мероприятий по лесам.

Подробнее: <http://tass.ru/opinions/interviews/3764148>